

торые глубоко пронизают сердце, наполняют душу восхищением, нежнейшим состраданием, сладостным удовольствием или ужасом и содроганием. — В одной сцене негодуешь на дурачество; в другой, позабывая себя, берешь участие в действующих и не веришь, каким образом случилось, что те же, которые удивляли великодушием, благородною осанкою, вежливым обхождением, вдруг, как шуты или сумасброды, смешной надутостию, уродливым кривляньем и всякими непристойностями морят со смеху детей и народ, досаждая благомыслящим, которые для того иногда от них отвращаются. — Кроме сих противоположностей, несоответственностей и несвязностей в игре их, благоразумию и хорошему вкусу противных, усматриваются неудобства и почти невозможности иметь совершенную оперу по самым ее правилам. В ней требуется разнообразности, чудесности, беспрестанных перемен и самой чрезъестественности в отношении природы. Для сего необходимы не токмо все искусства, но и многие науки: поэзия, зодчество, музыка, живопись, перспектива, механика, химия, оптика, гимнастика и самая философия для познания и изъяснения всех страстей и тайных изгибов сердца человеческого, какими средствами удобнее его растрогать и привести в желаемое положение. Сего же без превосходных дарований (виртуозов) сделать не можно. Таланты редки, а ежели и найдутся, то павеличайшая в том состоит трудность, чтоб по самолюбию, по самонаравию и по неисчислимым прихотям привести их к искреннему единодушию, дабы все действовали согласно и к единой цели. Всякой из них своим искусством хочет отличаться, не смотря на то, хотя бы на счет другого, а иногда и на свой собственной, — лишь бы, например, поэту исполинским воображением, певцу чрезмерною вытяжкой голоса, музыканту непонятными прыжками перстов, при громком рукоплескании заставить выпучить глаза и протянуть уши такого же вкуса людей, каковы они сами. От того-то бывает, что они в таковых случаях уподобляются тем канатным прыгунам, которые руки свои принуждают ходить, а ногами — вкладывать в ножны шпагу, думая, что это чрезвычайно хорошо. — От таковых-то усилий и несообразностей с прямым вкусом выходит в итальянских операх нередко нелепица. Вместо приятного зрелища — игрище, вместо восхитительной гармонии — козлоглашение. Наконец, г-да немецкие эстетика говорят, что великолепное сие представление со всем превосходством его изобретения, наилучшим из всех представлений быть долженствующее, вымышлено больше легкомысленно, нежели благоразумно; потому что оно, с одной стороны, совершенным почти быть не может, а с другой — в странных его и шутовских явлениях унижает самые превосходные дарования и делает изящные искусства презрительными. Сами итальянцы признаются, что наивеликолепнейшая опера нередко бывает скучною, даже и несносною, оттого что уклонилась от природы и не удерживает в себе даже и тепи вероятия. Если же и доставляет некоторое удовольствие, то только минутное, для